

9.8.99

Ирина Поволоцкая

Независимая газета. - 1999. - 9-15 авг. - с. 15

— Насчет счастья не знаю, а вот то, что уныние — грех, а жизнь — подарок, это я наконец поняла, хотя и не так скоро. Позади почти целая жизнь, которая большей частью прошла в поиске места под солнцем кино. Я окончила ВГИК, режиссерский факультет. Но карьера не состоялась. На всех студиях царил неписаное правило — одна женщина-режиссер (две — уже много). И надо было воевать, уметь пробиваться. Я же быстро оказалась перед глухо запертой дверью — неудачница. Зато на собственном опыте узнала, что бывают «счастливые неудачники», о которых говорил Манделштам, утешая Эмму Герштейн. Нет работы — надо поменять профессию, хотя бы просто чтобы жить. Я стала писать очерки об артистах, брала интервью. Иногда что-то удавалось (с моей точки зрения), но, как правило, герои моих очерков были не рады: «слишком комплиментарно». Мой постоянный редактор всегда снимала у меня первую и последнюю страницы. Однажды другой редактор, молодой парень, просто переписал весь мой текст. Тут я взбунтовалась: «Не нужны мне эти пятьдесят рублей!» Вспышка — пустяк, но мне вдруг стало ясно, что я занимаюсь не тем. Я вновь поменяла профессию. На «золушку».

— «Золушка» — это работа?
— Прозвище. Я дала его сама себе и другим женщинам, моим коллегам, которые работали в Бюро пропаганды советского киноискусства, ездили по стране с показом отрывков фильмов и рассказом о фильме в целом. Почему отрывки? Потому что так мы показывали зарубежные фильмы, официально не приобретенные Госкино для проката. Работа считалась непрестижной, а иногда была просто тяжелой: тащишь с собой чемоданы с коробками киноплёнки, толкаешь их перед собой одной ногой на пересадках... Но она мне все рав-

За первую же свою книгу «Разновразие» (повесть и рассказы) она получила престижную литературную премию имени Аполлона Григорьева от Академии российской словесности.

Ирина ПОВОЛОЦКАЯ:

САМА БЫЛА ЗОЛУШКОЙ И ЗОЛУШКАМ СЛУЖИЛА

но нравилась. Я могла видеть свою страну... Откуда бы мне иначе взять денег на дорогу и устроиться в гостиницу, например, в Елабуге?

— Какие фильмы вы чаще всего показывали?

— Тоже про «золушек»! Ведь это один из классических голливудских сюжетов, любимый зрителями. Когда же я приехала однажды в Новокузнецк и показала шахтерам отрывки из фильмов Годара, вдохновенно рассказав об этом неповторимом мастере, то ко мне, пока я складывала свое хозяйство, подошел администратор и попросил меня исчезнуть незаметно — через боковой выход. Это чтобы народ меня случаем не побил: углекопов после смены я заставляла смотреть и слушать такую чушь! То ли дело, когда в начале картины «Золушка» трудится от зари до зари или, может

быть, чем-то тяжело болеет — словом, судьба к ней несправедлива, но вдруг однажды...

— А когда и как произошла «перековка» в писатели?

— В начале девяностых стало просто опасно ездить... И в это время я ощутила себя по-другому: однажды так уже было, когда я ушла из кино. Я начала писать, еще будучи «золушкой», но, когда наступил некий момент, уловить трудно. Просто снова поменялась жизнь.

— Действие в «Разновразии», в повестях и рассказах, всегда отодвинуто в прошлое. Что это — нелюбовь к современности? Стремление держаться поближе к «литературной семье» времен расцвета русской прозы? Кстати, кто входит в вашу «семью»?

— Мне интересно время, от которого можно идти и вниз, и вверх. Только чтобы не проби-

Ирина Поволоцкая — кто она такая? Как в наше-то время ей все вдруг удалось: написать, напечатать и стать лауреатом? Или быть везучей, счастливой — привычное для нее дело?

вать головой потолок будущего. Даже настоящего. Я слышу современность, но пока не нахожу интонации для ее изображения. Ни в себе, ни в других авторах, тогда как интонация для меня очень важна. А что до «семьи» (то есть влияний и культурной переклички, да?), то я себя ощущаю в «дальнем родстве» с Николаем Шмелевым и Борисом Зайцевым. Или с Шергиным. И еще мне всегда нравилось выдумывать. Со временем я поняла, что вымысел — главное в литературе. Возьмем пример. Диккенс плыл из Англии в Америку, опережая почту и опубликованное продолжение собственного романа «Домби и сын». К приходу корабля в порт на пристани его ждала толпа. И люди в этой толпе кричали, задавая один и тот же вопрос: «Флоренс вышла замуж?» Вот что такое вымысел. Он опять станет главным, не может не стать.

— Наверное... Если только наша литература не придет в полный упадок, если в людях не умрет интерес к книгам. Какой прогноз вы могли бы сделать?

— Может быть, мне, какговорится, легко судить: ведь я беллетристка, а не идеологизированный в литературе человек... Но даже если слово «беллетристика» звучит в высоких литературных сферах почти неприлично, то для меня все равно эта роль — высокая... Отчасти вот почему — это как раз связано с прогнозом. Зайдя в большой книжный магазин, вы увидите, что там из серьезной литературы преобладают «примечания к примечаниям». Сколько людей пишут свидетельства и уточнения к тому, что уже написано, — это потрясающе! Как будто все главное уже сказано, все талантливое уже создано и осталось только подбирать крохи прежних пиришеств... Для серьезных авторов наступил (по их мнению) конец века со всеми его признаками и вытекающими последствиями. А мне думается, что мы живем на заре человечества. Представьте себе: когда кончалась греко-римская эпоха, свидетелям ее заката, ее гибели тоже казалось, что кончается все. Но настала эра христианства, объяснившая людям смысл их жизни, пусть не всем и не сразу, но зато для некоторых прямо-таки исключительным и чудесным образом, о чем остались вечные свидетельства. А еще один священник сказал мне, что нет на свете нормальных — в смысле «средних» — людей. Просто все ведут себя в рамках, пока не попали в ситуацию. И там, в ситуации — на пожаре, в наводнении, в бою, — они становятся самими собой, обрываются бесконечное пограничное состояние. Разве такая мысль не обнадеживает? Я с нею полностью согласна, и потому мой прогноз о нашей жизни и литературе оптимистический.

● Беседовала Мария ПУПШЕВА